

Михаил БАРУ

ЗОЛОТАЯ КОМЕТА О ПЯТИ ЛУЧАХ

Заволжск

Если ехать в Заволжск из Москвы, то не миновать Кинешмы. Я и не миновал. Проезжая через нее, краем уха услышал, что недавно в городе установили памятник Боборыкину. Честно говоря, не знал, что он родом из Кинешмы. Мгновенно вообразил себе не столько Петра Дмитриевича на пьедестале, сколько постамент, на котором медными полированными буквами на белом мраморе или на черном граните написано слово «интеллигенция»... Интересно, думаю, как они это длинное, неудобное во всех смыслах и почти ругательное у нас слово вписали... Наверняка кто-то из местных острословов уже успел приписать «гнилая» или даже «вшивая». Небось, на открытие памятника пригласили местных интеллигентов. В том смысле, что приказали быть. Велели надеть очки и шляпы. Согласовали тексты выступлений. Или назначили кого-нибудь из проверенных людей интеллигентами. Или решили, что на открытии памятника побудут ими сами. В конечном итоге, это всего на пару часов. Думал я, думал... пока не увидел на площади конный памятник Федору Боборыкину – кинешемскому воеводе, который в Смутное время командовал местным ополчением. Петр Дмитриевич Боборыкин, как оказалось, и вовсе родился в Нижнем, и ему памятник, скорее всего...

Ну, да Бог с ним, с Боборыкиным и с Кинешмой тоже. Это было лирическое отступление, к Заволжску никакого отношения не имеющее. От Кинешмы до Заволжска всего полчаса езды на машине – переехал через Волгу по мосту, проехал несколько километров по разбитой дороге и вот уже Заволжск.

Строго говоря, история Заволжска, если говорить о нем как о городе, начинается с пятидесяти четвертого года. Прежде на этом месте существовали село Владычное и две деревни – Алекино и Чирково. По некоторым данным, село Владычное возникло уже в пятнадцатом веке. Поначалу оно принадлежало царю и крестьяне платили налоги непосредственно в его казну, а после окончания Смуты земли Владыченской волости, центром которой было село, царь стал раздавать боярам и детям боярским. Вот, собственно, и все, что можно рассказать о селе Владычном тех времен. Если честно, то и о более поздних временах... Ну, хорошо. Можно добавить, что в селе еще в восемнадцатом веке было шесть дворов, дюжина душ мужского пола и полтора десятка женского, платили они оброка по три рубля с души, урожаи хлеба хорошие, сенокосы заливные...

Уж лучше мы оставим Владычное и перейдем к деревням. В Алекино жители промышляли тем, что изготавливали мельничные жернова. Искали по окрестным лесам подходящие валуны, которые, уходя, оставил ледник, и зимой, когда полевых работ нет, стучали по ним зубилами, приводя их в мельничный вид. Вот, собственно... Впрочем, нет. Алекино известно еще и тем, что в 1870 году, во время страшного пожара в Кинешме, которая расположена на противоположном берегу Волги, сильным ветром в деревню принесло искры и даже горящие головни, отчего она сгорела дотла. В те времена сгореть могла любая деревня, но чтобы вот так... Чирково находилось рядом с Алекино, но, поскольку искры от кинешемского пожара до него не долетели, то и рассказывать о нем... Не говорить же про то, что жители деревни промышляли перевозом через Волгу, содержали ямских лошадей и ловили рыбу. Вот если бы они ее не ловили...

Были в этих местах и дворянские усадьбы. Аккурат на берегу Волги была усадьба Мысы, принадлежавшая старинному дворянскому роду Филосовых, владевшему землями в Кинешемском уезде еще с конца шестнадцатого века. Фамилия нас обманывать

не должна – мужчины из рода Философовых были не профессорами и приват-доцентами, а подпоручиками, поручиками и секунд-майорами. Василий Аркадьевич Философов, о котором далее пойдет речь, был отставным поручиком. Мало ли на свете в те времена было отставных поручиков, спросит читатель и будет прав. Разумеется, много, но решивших устроить в своем имении завод по производству серной кислоты, которых в семидесятых годах девятнадцатого века в России можно было по пальцам перечесть, мало. Скорее всего, Василий Философов был единственным, который для улучшения своего материального положения решил не попытаться счастья за карточным столом, не жениться на какой-нибудь купеческой дочке, за которой давали миллион, а подать прошение в феврале восемью семидесятью первым года на имя Александра Второго, в котором писал: «...Желаю я на принадлежащей мне земле, состоящей Кинешемского уезда по усадьбе Мысы, устроить завод под фирмою “Волжский химический завод” для выработки из серного колчедана серной кислоты и других побочных продуктов, а также для добывания свинцового сахара, древесного уксуса и проч. ...»¹. Вот тут и задашься вопросом, откуда у отставного поручика в голове вместо карт, лошадей, шампанского, богатых купеческих дочек и сидения с удочкой на берегу Волги колчедан, серная кислота, свинцовый сахар и древесный уксус. Надо сказать, что Василий Аркадьевич за плечами имел не только школу отставных поручиков, но и Петровскую сельскохозяйственную академию, и мог серную кислоту отличить от соляной и даже от азотной. Мало того, он еще и знакомства водил не с другими отставными поручиками, а с инженерами-технологами химических предприятий. Один из его знакомых, работавших на химическом заводе возле Иваново-Вознесенска, и посоветовал Философову построить такой завод. Прибавило уверенности будущему промышленнику и то, что в тех местах по берегам рек крестьяне добывали сырье для производства серной кислоты – серный колчедан.

К прошению прилагалась бумага о том, что местная полиция не возражает против строительства завода, и акт из врачебного отделения Костромского губернского правления, в котором сообщается, что врачебный инспектор и его помощник осмотрели усадьбу Мысы и нашли эту территорию пригодной для строительства химического завода, поскольку он «достаточно удален от жилых помещений и здоровью окрестных жителей принести вреда не может». То, что завод собирались строить на берегу Волги, врачебного инспектора и его помощника не смутило, поскольку за здоровье рыб, раков и лягушек они не отвечали. Постановление врачебного отделения Костромского губернского правления лучше не пересказывать своими словами, а процитировать: «Хотя означенный завод и будет выделять газы, как-то: свободный азот и угольную кислоту, но, принимая во внимание, с одной стороны, значительное содержание азота в воздухе и потребность растительности в угольной кислоте, а с другой – дальнейшее расстояние от жилого места, завод вреда в гигиеническом отношении принести не может. А потому врачебное отделение, не находя препятствий к устройству в означенной местности вышеописанного химического завода...»². Почему-то мне кажется, что и врачебный инспектор, и его помощник, и все те, кто имел отношение к выдаче постановления отставному поручику Философову, в накладе не остались.

Через три года после выданного разрешения на строительство Волжский химический завод, принадлежащий Василию Философову, его сестре Анне и ее мужу – доктору Резвякову, производил почти четверть тысячи тонн серной, тридцать три тонны соляной и шестнадцать тонн азотной кислот, зеленый купорос, нашатырный спирт, свинцовый сахар, железный сурик и хлористое олово на общую сумму в двадцать семь тысяч рублей.

Сказать, что производство серной кислоты во второй половине девятнадцатого века было вредным – значит не сказать почти ничего. Сначала обжигали в специальных свинцовых камерах предварительно измельченный и смешанный с углем железный колчедан. В результате обжига получалась газообразная двуокись серы и в виде твердого остатка – колчеданный огарок, из которого потом изготавливали железный сурик. Про сурик

будет отдельный рассказ, а вот двуокись серы, которая дальше превращалась в трехокись и затем в серную кислоту... Когда рабочие открывали заслонки печей, чтобы вычистить их от колчеданного огарка, наружу вырывались клубы этой самой двуокиси, токсичнее которой, конечно, есть вещества на белом свете, но их так мало... Поскольку вместо противогазов у рабочих были мокрые тряпицы, которыми они прикрывали рот и нос, то ожоги слизистой, потеря вкуса, обоняния, постоянный насморк, бронхиты, катары легких, горловые кровотечения, рвота... и вот так каждый день. Платили на химическом заводе в два раза больше, чем на ткацкой фабрике – двенадцать рублей в месяц. Хочется сказать, что этих денег все равно не хватило бы на лечение, но... ни врача, ни лекарств не было. Со временем хозяева завода взяли на работу фельдшера, но это было уже во время Первой мировой, да и фельдшер этот больше числился, чем работал.

Полученную серную кислоту концентрировали, то есть упаривали до купоросного масла. Делали это в стеклянных ретортах, которые помещали в чугунные котелки, наполненные горячим песком. Все эти котелки с ретортами стояли в печах. Рабочие должны были заходить в помещение, где стояли печи и подкидывать дрова. Процесс упаривания длился от пяти до шести часов. Пары серной кислоты, понятное дело, никто не улавливал. Тогда еще не существовало для этого приспособлений. Впрочем, если бы и существовало, то наверняка Философов их не купил бы из экономии. Зубы и волосы выпадали не у него, а у рабочих. Извлечь стеклянную реторту из горячего песка и перелить ее содержимое в бутылку при том, что температура купоросного масла была около двухсот пятидесяти градусов даже после охлаждения, – непростая задача. Надо накинуть веревку на шейку реторты и вытащить последнюю из песка. Рабочие делали это вдвоем. Реторты при этом иногда лопались. Чаше, чем хотелось бы. Ожоги от серной кислоты заживали долго и трудно. На спецодежде хозяин завода экономил, а та, которую все же удавалось с боем получить, приходила в негодность буквально на второй день после того, как ее надевали. Да и какой толк от брезентовых рукавиц, когда на них попадает концентрированная серная кислота... а уж когда она попадает на лапти... Резиновые галоши, в отличие от уловителей паров серной кислоты, существовали уже тогда, но их рабочим никто и не думал выдавать.

Бутыли с готовым купоросным маслом ставили в плетеные из ивняка корзины, которые отправляли на баржах по Волге потребителям. Между бутылкой и внутренней стенкой корзины прокладывали солому. На баржу нужно было подняться по мосткам. Рабочий нес корзину на спине³. Если бутылка лопалась, то... солома не спасала. Грузчик спасался тем, что бросался в воду. Вернее, он мог, если ему повезет, остаться в живых и с небольшими ожогами. Если же бутылки грузили на подводки, как это обычно происходило зимой, лопнувшая бутылка означала, как правило, смертельный исход. И это было только начало пути. Баржа с кислотой и грузчиками доплывала до железной дороги, и там нужно было нести бутылки до вагонов еще сто метров. При этом в «Правилах внутреннего распорядка» было написано: «...Все кислоты носить на спинах и плечах строго воспрещается, но при могущих случиться несчастьях, первоначальные меры медицинской помощи сообщены старшим рабочим и мастерам»⁴. А как их, спрашивается, носить, эти неподъемные бутылки? На вытянутых руках? В краеведческом музее Заволжска в отдельной витрине хранится «седелка» – специальное приспособление для ношения тяжестей на спинах. Она представляет собой что-то вроде рюкзака из мешковины. Только дно у этого рюкзака деревянное. Нет, на заводе их не выдавали. У грузчиков были свои. Администрация завода за использование этих «седелок» ответственности не несла. Администрация завода еще одним пунктом в «Правилах внутреннего распорядка» вписала: «За бой стеклянной посуды и порчу аппаратов по небрежности – штраф от двадцати пяти копеек до рубля. За непослушание – штраф от двадцати пяти копеек до рубля».

Вернемся к железному сурику. Его перемалывали до состояния муки и готовили из него краску. Делал это мастер с двумя рабочими. Рецептуру и технологию приготовления краски знал только мастер. Директор и его помощник в эти секреты посвящены не были. В день производилось до двух десятков бочек сурика. Красили им не только крыши, окна и

двери, но и товарные вагоны. Производство было исключительно прибыльным. Правда, краска, когда ее размалывали до состояния муки, проникала в поры кожи так, что ее трудно было отмыть. Особенно если всего раз в неделю ходить в баню, которая была открыта только по субботам для мужчин и по пятницам для женщин, хотя и должна была работать каждый день, как это и полагалось даже тогда на химических предприятиях. Напарится рабочий в бане, сядет после нее пить чай, выпьет стаканов пять или шесть, утрет лицо полотенцем, а оно все красное от выступившего из пор сурика. Только представьте себе на мгновение, что вы рабочий с тонкой нервной организацией...

Если в дополнение к этому рассказать о том, в каких условиях производились азотная и соляная кислоты, ядовитейший свинцовый сахар, хлорное олово или нашатырный спирт, то становится совершенно непонятным, как завод обходился без забастовок, бунтов, разрушения сернокислотных печей и покушений на жизнь хозяина.

Кстати об азоте, о котором врачебный инспектор писал, что его и без того много в воздухе. Дело в том, что при производстве серной и азотной кислот выделяется не азот, а его окислы, которые по тем последствиям, которые они оказывают на организм, отличаются от азота примерно так, как отличается канал от канализации. По воспоминаниям Павла Митрофановича Лукьянова, работавшего в начале прошлого века на Волжском химическом заводе, мастера, управлявшегося с установкой получения азотной кислоты, сослуживцы звали «зеленый дед», но было у него не зеленое, а золотисто-желтое лицо от того, что каждый день находился он в атмосфере окислов азота. И ведь ему еще приходилось разливать полученную кислоту в бутылки...

Оставим на время Волжский химический завод с его сернокислотными и свинцово-сахарными мерзостями и перенесемся на полтора километра к северо-востоку, в поселок Бредихино. Теперь он находится практически в черте Заволжска, а в середине девятнадцатого века, когда никакого Заволжска и в помине не было... поселка Бредихино тоже не было, а была усадьба с не очень веселым названием Погост. Каменный усадебный дом с колоннами, выходивший окнами на тракт Кинешма – Галич, построил предводитель Кинешемского дворянства, участник Бородинского сражения отставной штаб-ротмистр Дмитрий Николаевич Бологовский. Дмитрий Николаевич был послан к Кутузову с сообщением о том, что Наполеон покидает Москву. Мало того, он был выведен Толстым в романе «Война и мир», правда под фамилией Болховитинова⁵. Сын Дмитрия Николаевича Бологовского – Иван Дмитриевич тоже был кинешемским уездным предводителем дворянства, а заодно и председателем уездной земской управы, но не этим он запомнился современникам, а тем, что любил приврать. Так любил, что друзья и знакомые называли его «русским Мюнхгаузеном». Как и отец его, Иван Дмитриевич остался в русской литературе навсегда. Правда, не в романе, а в очерке, и не Толстого, а Писемского. Очерк называется... «Русские лгуны». К счастью, не под своей фамилией. Мы здесь, однако, рассказываем об Иване Дмитриевиче вовсе не по этой причине, а потому, что одна из его сестер – Анна Дмитриевна – вышла замуж за выдающегося русского астронома Федора Александровича Бредихина.

Федор Александрович Бредихин был в разные годы и почетным профессором Московского университета, и директором университетской лаборатории, и деканом физико-математического факультета, и директором Пулковской обсерватории, и председателем Русского астрономического общества, и, что самое главное, одним из самых больших знатоков поведения и внутреннего устройства комет. Он одним из первых начал изучение спектрального состава голов комет с тем, чтобы доподлинно знать, что они себе думают, когда бесконечно летят в бесконечном межзвездном пространстве, и почему не сходят с ума от бесконечного одиночества. Кроме того, Федор Александрович создал классификацию кометных хвостов, которая и по сей день не потеряла своего значения. Длина кометного хвоста, его пушистость, окраска, радиус – все эти величины высчитываются из дифференциальных уравнений второго порядка, неизменными членами которых являются константы Бредихина. И, наконец, уравнением Бредихина описывается

процесс распрямления кометного хвоста под действием солнечного ветра от состояния «бублик» до состояния «труба». Магистерская диссертация Федора Александровича так и называлась «О хвостах комет», а докторская «Возмущения комет, независимые от планетных притяжений». За год до смерти в девятьсот четвертом году он выпустил целую книгу о жизни комет «Этюды о происхождении космических метеоров и образовании их потоков». В те далекие времена астроному не требовались для исследований огромные обсерватории с оптическими и радиотелескопами, множество приборов с постоянно мигающими светодиодами, вычислительные центры и компьютерные программы, в коде которых нужно постоянно выискивать закравшиеся туда ошибки. Достаточно было телескопа, который можно было привезти с собой в багаже из Москвы в усадьбу и там ночи напролет смотреть на то, как у комет... Кстати, крестьяне на вопрос, чем занимается Бредихин, часто отвечали с ухмылкой: «Барин кометам хвосты крутит». Бредихин, конечно, не был никаким барином, поскольку стал жить в усадьбе уже после отмены крепостного права, тем более что усадьба принадлежала его супруге, да и вообще Федор Александрович был человеком либеральных взглядов. Бывало, как приедут Бредихины на лето в усадьбу, а приезжали они в начале мая и жили в ней почти до октября, так Федор Александрович в тот же день на лошади отправляется к ключику у деревни Жилино⁶ испить воды. Навстречу ему выходили нарядно одетые крестьянки и выносили на подносе кружку воды. Бредихин пил ее и умывался, а на поднос клал деньги для крестьянок и конфеты с пряниками для крестьянских детей. Ну и как, спрашивается, было мужикам и бабам его называть?

Как раз через год после основания Философовым Волжского химического завода Федор Александрович привез в Погост четырехдюймовый телескоп системы Мерца, установил его в специально устроенной будке и ночи напролет просиживал за ним, наблюдая за звездами, планетами, туманностями и кометами. Бредихин изучал поверхности Марса и Юпитера, полагая, что Большое Красное Пятно не что иное, как гигантский кусок шлака⁷, и вокруг него через каких-нибудь несколько сот миллионов лет образуется твердая кора. В солнечные дни Федор Александрович наблюдал в телескоп через специальный фильтр за Солнцем и зарисовывал протуберанцы, форма которых представлялась ему похожей на хвосты комет. Впрочем, ему все представлялось похожим на хвосты комет. Он даже хвост своего любимого кота Метеора рассматривал как частный случай кометного и вывел формулу... но она сохранилась только в пересказе сестры астронома, а она в математике была совсем не сильна. Кстати, о протуберанцах. В Погосте Бредихин впервые в России стал систематически заниматься спектральным анализом протуберанцев. Не важно, что слова спектральный анализ и протуберанцы звучат не очень понятно для человека, не связанного с астрономией. Важно то, что этими исследованиями Бредихин положил начало российской астрофизике.

Как жаль, что мы не завели обычай ставить памятники наукам. Воздвигли бы строгий гранитный обелиск, а на нем золотыми буквами нарисовали бы разных формул и написали о том, что в этом самом месте трудами Федора Александровича Бредихина родилась российская астрофизика. И каждый год принимали бы у этого обелиска в ~~пioneры~~ юные астрофизики студентов. Почетный караул вносил бы черное, как ночное небо, бархатное знамя нашей астрофизики с вышитыми на нем планетами, звездами, протуберанцами и приколотым к нему орденом Бредихина первой степени с бантами и золотыми кометами. Студенты становились бы на одно колено, целовали знамя и торжественно клялись бы именами Бредихина, Фраунгофера, Чандрасекара и Хокинга никогда не спать ночью, а только смотреть в телескоп. Потом маленькие дети из детских садов и школ Заволжска, наряженные в костюмы звездочек, комет и метеоров, водили бы хороводы вокруг памятника, а взрослые пели бы хором под гитару песни о белых карликах и черных дырах...

Федор Александрович был ученым запойным – мог сутками не выходить из кабинета, выводя формулы, чертя графики и рисуя кометные хвосты. Как устанет – так берет скрипку в руки и давай на ней играть, а не то брал собаку и шел с ней за грибами. Как

наберет грибов и наиграется на скрипке – так переводит в стихах итальянские трагедии. Как надоест ему и то, и другое, и третье – так идет посидеть подумать и помечтать на любимой скамеечке. Была у него такая скамеечка со спинкой, обсаженная березками и елочками, на острове посреди одного из усадебных прудов. Вечером всей семьей пили чай в саду. Как только на небе появлялись первые звезды, Федор Александрович звал окрестных детей посмотреть на них в телескоп. Кстати, о деревенских детишках. У Бредихина было довольно необычное увлечение – он любил сов. Крестьянским детям он платил за каждую пойманную сову по рублю. Птиц содержали в специальных клетках три недели и кормили как на убой, а потом... выпускали. Далеко перекормленные совы не улетали. Сидели на деревьях в саду и хлопали глазами. Гости, приезжавшие в усадьбу, гуляя по саду, тоже хлопали от удивления глазами. Ну, а потом мальчишки ловили этих сов и снова продавали Бредихину по рублю. Так совершался круговорот сов в усадьбе Погост.

Когда мне обо всем этом рассказывали в Заволжском художественно-краеведческом музее, когда я смотрел на тот самый телескоп, в который когда-то смотрел Бредихин... я вдруг понял, что в усадьбе Погост был рай, в котором исчисляли траектории движения комет и формы их хвостов, а под горой, на заводе Философова, был ад, и там, задыхаясь и хрипя, чистили печи от колчеданного огарка, таскали на спинах бутылки с серной кислотой и потели красным суриком. Рай от ада находился буквально в нескольких километрах.

Увы, рай, в отличие от ада, не может быть вечным. В 1888 году единственный сын Бредихиных, которому было двадцать семь лет отроду, кончает жизнь самоубийством. Через десять лет умирает жена Бредихина Анна Дмитриевна. И сына и жену Федора Александровича похоронили в селе Владычном, рядом с Богоявленской церковью, в семейном склепе, который спроектировал сам Бредихин. В память о жене по просьбе Бредихина Императорская Академия Наук учредила денежную премию «За продолжение трудов академика Бредихина по исследованию комет». Называлась она «Премией имени Анны Бредихиной».

Федор Александрович был так далек от хозяйственных дел, как кометы бывают далеки от сноповязалок. Всем усадебным хозяйством занималась Анна Дмитриевна. Бредихин продал усадьбу Ивану Васильевичу Щулепникову – земскому начальнику Кинешемского уезда. При этом он договорился с новым хозяином о том, что он сам и его родственники будут иметь право приезжать каждый год, как и прежде, в Погост и жить на верхнем этаже усадебного дома. Он и приезжал еще шесть лет и каждый день в тарантасе ездил на кладбище к жене. В семейном склепе Федор Александрович приготовил место и для себя. Первого мая девятьсот четвертого года Бредихина не стало. Тело его привезли из Петербурга и похоронили, как он и просил в завещании, в семейном склепе рядом с женой и сыном. На гроб Федору Александровичу положили шпагу, подаренную императором, и два ордена – св. Владимира и св. Анны. Куда революционно настроенные крестьяне в семнадцатом году дели шпагу и ордена... Какое-то время в склепе был склад школьных парт. Какое-то время... черт знает что. К счастью, теперь все привели в порядок, и раз в три года, когда проходят Бредихинские чтения, астрономы приходят сюда... Впрочем, до Бредихинских чтений еще далеко. На дворе пока самое начало двадцатого века.

В девятьсот первом году у завода Философова появился сосед – еще один химический завод «Товарищества Русского бензоло-анилинового завода». Завод этот основали два текстильных фабриканта по инициативе инженера-химика Александра Никифорова. Сокращенно предприятие называлось «Бензолан», а местные жители называли просто «Бензолка». Как можно догадаться по названию, производил он бензол и анилин. Российской текстильной промышленности до зарезу были нужны свои анилиновые красители. Не покупные немецкие, а свои. И еще российской промышленности нужен был бензол, из которого делали не только анилин, но и мощное взрывчатое вещество тетрил, а еще и толуол, из которого, в свою очередь, делали тринитротолуол, из которого делали тротил, которым начинали снаряды, которыми собирались обстреливать... Ну, да мы не о том. Мы о том, что бензол у нас тоже был немецкий и он тоже был нужен свой.

Завод планировалось построить на земле, купленной у сестры отставного поручика Философова. И тут не обошлось без заключения Костромского губернского врачебного управления, в котором было написано, что строительство завода «может быть допущено без вреда в санитарном отношении для окружающего населения»⁷. Ну, а раз вреда никакого, а одна только польза, то вице-губернатор бумаги подписал, губернский архитектор подписал, уездный врач подписал и Кинешемский уездный пристав тоже подписал. И построили завод. Учредителей у завода было пять, но именно Александр Никифорович Никифоров был тем учредителем, который предложил получать бензол из сырой русской нефти. Никифоров не только предложил, но и разработал технологию его получения. Суть метода Никифорова заключалась в разложении нефти под давлением при высокой температуре. Все это страшно увлекательно, если углубиться в детали самого процесса разложения, которое было двойным, проходило в специальных ретортах, снабженных желобами с поперечными перегородками, в которых нефть пульверизировали горячим газом при температуре восемьсот градусов по Цельсию... но мы не будем углубляться в детали. Скажем только, что в девятьсот втором году завод заработал, и через год было наработано уже такое количество бензола, которое можно было перерабатывать в анилин. Тогда получили немногим больше трехсот килограмм анилина, а уже через год... деревянное здание, в котором его производили, сгорело. Оно и не удивительно. При производстве бензола все было огнеопасным, особенно готовый продукт, который хранили на складе в деревянных бочках. Только в страшном сне сегодня может присниться деревянный склад с деревянными бочками, полными бензола, который образует с воздухом взрывоопасные смеси. Достаточно сторожа, даже трезвого, с керосиновой лампой в руке, чтобы...

Все восстановили, но реторты, которые прогорали через каждые полтора месяца, и частые ремонты сделали производство убыточным. Завод при этом был не то чтобы маленьким, но микроскопическим даже по тогдашним меркам – работало на нем шесть человек в две смены.

В девятьсот пятом Русское техническое общество и Товарищество братьев Нобель удостоили инженера Никифорова премии имени Людвига Нобеля за «способ получения из русской нефти бензола и его гомологов», а через год... завод снова остановили, а еще через год... махнули рукой и стали закупать бензол в Германии, чтобы на его основе получать анилин и анилиновые красители⁸. В этом же году правительство установило таможенные пошлины на импортный анилин до четырех рублей за пуд, и производство русского анилина зашагало вперед семимильными шагами. В основном, правда, производили анилин на химических заводах в Петербурге и Риге, а в центральной России конкурировать с этими заводами мог только Кинешемский. Я бы назвал этот завод Заволжским, но Заволжска все еще не было, а были лишь деревни и села на его месте.

Конечно, на фоне Волжского химического завода и завода «Товарищества Русского бензола-анилинового завода» бумагопрядильная и бумаготкацкая фабрики товарищества Никольско-Богоявленской мануфактуры купцов Морокина и Тихомирова смотрятся не очень, но они были в тех местах самыми крупными, самыми старыми предприятиями и начали работать еще до всяких химических заводов. Про ткацкие фабрики что рассказывать – бязь, полубязь, миткаль, пряжи на триста тысяч рублей в год, четыреста рабочих, опнеры для трепания, чесальные машины, банкаброши, мюльные машины, веретена жужжат как озверевшие пчелы, когда к ним в дупло лезет медведь, бабы ткут, проворно завязывают узелки на порванных нитях, мужики ходят серьезные, с гаечными ключами и масленками, хлопают зазевавшихся баб по крутым задам, получают от баб затрещины... Короче говоря, фабрики как фабрики, а вот про Ивана Григорьевича Тихомирова стоит рассказать отдельно. Он, конечно, был текстильный фабрикант, имел несколько каменных домов в Кинешме, скупил семнадцать помещичьих имений, но более всего любил покупать и продавать лес. Оденется победнее, сядет в коляску и айда к местным старушкам-помещицам на корню строевой лес скупать. И в коляске этой не кредитные билеты он везет,

чтобы расплачиваться, не царские червонцы, не чеки Верхневолжского купеческого банка, а... конфеты. Пудами он их кинешемским Коробочкам возил. Чичиков, хоть и за копейки, но все же покупал мертвые души, а Тихомиров живой лес выменивал на конфеты! Сосновый – на шоколадные конфеты московской фабрики «Эйнем», дубовый – на шоколадных зайцев «Товарищества Абрикосовых и сыновей», а какой-нибудь бросовый осиновый – и вовсе за монпансье «Ландрин». Ну, насчет шоколадных зайцев я, если честно, призагнул, но вот за бутылку или две водки Тихомиров мог договориться с каким-нибудь лесником, чтобы рубить тот лес, за который не заплачено даже конфетами.

О фабриках Тихомирова еще речь впереди, а пока вернемся к заводу Философова⁹. Отставной поручик жил широко. Все же, в его поручиковой голове, кроме серной кислоты, квартировали еще и карты, лошади, кокотки и шампанское. Пришлось ему сначала заложить завод, а потом, в девятьсот седьмом году, и продать. Купил его крестьянин из Ярославской губернии Алексей Иванович Бурнаев-Курочкин. Конечно, это был не просто крестьянин, а богатый крестьянин, и не просто богатый, а уже купивший один химический завод в Романов-Борисоглебске, на котором производилась серная кислота, железный сурик и другие краски. Сам Алексей Иванович в сернокислотные дела не вмешивался – на то у него были два сына. Старший Николай отвечал за коммерческую часть предприятия, а младший Геннадий – за техническую. Крестьянский сын Геннадий Бурнаев-Курочкин выучил французский и прослушал в Сорбонне курс химии и химической технологии.

И все же, купить дорогой завод Философова Бурнаевым-Курочкиным удалось только в результате сложной финансовой... не аферы, нет, но... махинации. Денег у Бурнаевых-Курочкиных на покупку завода не было, или были, но мало. Тут как раз на их счастье Главное артиллерийское управление объявило торги на поставку купоросного масла, без которого, как и без бензола, взрывчатых веществ не сделать. По условиям торгов побеждал тот, кто давал наименьшую цену за пуд купоросного масла. Владельцы заводов писали свои цены на бумажках, бумажки заклеивали в конверты и эти конверты отправляли в военное министерство. Как только Николай узнал о торгах – так тотчас велел Геннадию все производимую серную кислоту не продавать, а придержать на складе, а сам взял ручку, умакнул ее в чернила, написал на бумажке цену за пуд и отправил куда следует. Бурнаевым-Курочкиным повезло – их цена за пуд оказалась на две копейки ниже, чем у остальных участников торгов. Победив на торгах, сернокислотные бароны получили большой заказ от военных, быстро продали им все то, что накопили на собственном складе и даже скупили у конкурентов, а на вырученные деньги еще быстрее приобрели завод у Государственного земельного банка, в который Философов уже успел его заложить. Завод вместе с землей, на которой он стоял, вместе со всеми постройками, аппаратами, машинами, приспособлениями, вместе с забором, которым он был обнесен, обошелся новым хозяевам почти в девяносто тысяч рублей.

Через год после покупки завода новые хозяева пригласили директором выпускника Московского Высшего технического училища С.Д. Шеина. Тот предложил заменить дорогую серу, использовавшуюся в качестве сырья для производства серной кислоты, на более дешевый колчедан и заменил, наконец, опасные стеклянные реторты для концентрирования кислоты на чугунные, заодно упразднив и печи, в которых эти реторты нагревались, отравляя жизнь рабочим в самом прямом смысле этого слова.

Тогда же Геннадий Бурнаев-Курочкин вместе с Шеиным поехали в Европу и в Германии купили патент на способ и устройство по производству серной кислоты. Такой патент включал в себя чертежи всех необходимых аппаратов. Способ назывался «Маннгеймским», потому, что был разработан Союзом химических фабрик в Маннгейме. Не буду вдаваться в детали этого метода, поскольку все равно в них ничего невозможно понять без специального образования. Скажу только, что был он устаревшим даже по российским меркам... Нет, так говорить нельзя. Мерки тогда были другие. К примеру, на Тентелевском заводе в Петербурге производили серную кислоту такого качества и таким передовым способом, что патент на эту технологию купили не только многие российские

заводы, включая заводы Нобеля в Баку, но и европейские в Германии, США, Англии, Италии, Швеции, и даже в невообразимо далекой Японии получали серную кислоту по российской технологии. Вот только патент на Тентелевскую систему стоил куда дороже, чем тот, что был куплен Бурнаевым-Курочкиным в Германии. Правда, платиновый катализатор, используемый для ускорения процесса превращения серного ангидрида в сернистый... Впрочем, это уже дебри, а в них лучше не забираться. Проще говоря, платину при Маннгеймском способе нужно было регенерировать каждый год, и в результате этого процесса часть ее терялась, а при Тентелевском способе регенерация требовалась раз в десять или даже в пятнадцать лет. Скупой, как известно, платит дважды и даже трижды. Зато сэкономили на заводском корпусе – построили его деревянным, хотя некоторые аппараты были восьмиметровой высоты. Деревянный корпус для производства серной кислоты...

Как бы там ни было, а в тринадцатом году приехали из Германии два немца и стали монтировать первую систему, а затем и вторую. Через год началась война, но немцев никто домой не отпустил, пока они работу не закончили. Только в шестнадцатом году они смогли уехать в Германию. Вторую систему оборудовали восемью механическими печами Герресгоффа, свинцовые камеры питались паром, а не пульверизированной... снова дебри. Лучше я расскажу про корпус. Его построили каменным, по проекту тогда еще не очень известного Виктора Веснина, который построил еще и дом Геннадию Бурнаеву-Курочкину. Первый дом Бурнаевыми-Курочкиными был построен для всей семьи аккуратно над заводом на высоком берегу Волги. Теперь в нем помещается краеведческий музей. Чувствуется, что глава семьи Алексей Иванович вложил в дом всю душу. С какой стороны на него ни посмотри – все он не смотрится. Фасад кирпичный, неоштукатуренный. Похож на заводууправление, в котором не только работают, но и живут. Окна в нем и готические, и простые. И маленькие, и большие. И высокие, и низкие. И круглая башня, которая торчит из дома, как... торчит и все. Похожа на старинный газгольдер позапрошлого века с большим количеством окон, если вы, конечно, их когда-нибудь видели. Теперь ее опоясывает железный балкон. Судя по громоотводам и громкоговорителям – технический. Громкоговорители повесили на случай объявления тревоги. Все равно какой. Все громкоговорители направлены в сторону химического завода, который работает под горой. Это странно потому, что тревога обычно исходит от химического завода. Ну, да бог с ним, с этим зданием. Гораздо интереснее то, что построено рядом. Когда Бурнаевы-Курочкины стали богатеть и кататься как сыр в купоросном масле, получая военные заказы, Геннадий Алексеевич захотел построить свой собственный и совершенно отдельный дом. Искать архитектора долго не стал, а заказал проект уже знакомому Веснину. Строить нужно было рядом. Буквально в сотне метров от общесемейного дома. Практически над обрывом. Так захотел заказчик. Веснин поначалу пытался объяснить заказчику, что строить над обрывом опасно, что грунт может поплыть, что... но заказчик был неумолим, упрям и желал, чтобы дом был не просто дом, а настоящая барская усадьба, чтобы все, кто проходит мимо, чтобы все, кто проплывает по реке, знали, кто такой есть Геннадий Бурнаев-Курочкин. И Виктор Веснин, будущий отец советского конструктивизма, построил Геннадию Алексеевичу великолепный двухэтажный особняк в классическом стиле. С портиком, который поддерживали четыре колонны, увенчанные пышными капителями коринфского ордера, и балконом, с которого можно видеть даже Москву и там, как мечтал Манилов, пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах.

Теперь в особняке Дом культуры. Сказать, что он обветшал, язык не поворачивается. Язык поворачивается сказать такое по адресу местных властей...

Вернемся, однако, на завод. В тринадцатом году на нем появилось электричество. Не везде, а в некоторых цехах. В казарме, где жили рабочие, электричества так и не было. В осеннюю и весеннюю распутицу по территории завода было не пройти. Непролазная грязь, смешанная с колчеданным огарком, по которой и в резиновых сапогах непросто было пробраться. Поди еще получи эти сапоги у администрации. В лучшем случае можно было

выпросить галоши, которые веревками привязывали к лаптям или к другой обуви. За продуктами рабочие были вынуждены отправляться в Кинешму. Это по карте рядом, а на самом деле надо было до Кинешмы плыть на лодке через Волгу, которая в тех местах хоть и называется верхней, а шириной будет не меньше километра. И платить за переезд. Или взять водопровод. Он на заводе был сделан еще при Философове из деревянных труб. Делали его из прямых бревен, сердцевину которых прожигали раскаленным ломом. Не очень передовая, мягко говоря, технология. Соединяли трубы железными кольцами. Плана водопровода никакого не было. Сгниет труба или засорится – вызывают старика-землекопа, который помнил, где какую трубу проложили. Сколько раз просили хозяина нарисовать с помощью старика-землекопа план водопровода... Так и не нарисовали. Денег Геннадий Алексеевич пожалел. И это при том, что во время войны заказами завод обделен не был.

В пятнадцатом году скорострительно скончался Николай Бурнаев-Курочкин, и Геннадий стал единоличным владельцем завода. Быть ему единоличным владельцем оставалось два с половиной года. В середине семнадцатого года ему пришлось уехать, а в начале восемнадцатого завод национализировали.

Советы рабочих депутатов были выбраны на заводе уже в марте семнадцатого года. Немедленно рабочие выдвинули экономические требования. Требовали восьмичасового рабочего дня, добавки в тридцать копеек к ежедневному заработку, оплаты сверхурочных в полуторном размере, мыла и полотенец рабочим в цехах, устройства вентиляции «ввиду выделяемых вредных газов на производстве», противогазов, очков и масок. Требовали спецодежду, галоши, работающую каждый день баню, рабочим, живущим в казармах, выдавать одеяла, чехлы для матрацев и подушек. И еще рабочие требовали организации при заводе больницы с врачом, фельдшером и акушеркой¹⁰. Большую часть требований Бурнаев-Курочкин удовлетворил. Не те времена стояли на дворе, когда можно было вызвать полицию, казаков и... Геннадий Алексеевич принял новую власть. Не зашивал золото и бриллианты в подкладку пальто и не уходил огородами на юг к Краснову. Вот только новая власть его не приняла. Начались беспрестанные обыски в доме, унижения, оскорбления, и пришлось Бурнаеву-Курочкину зашивать в подкладку все то, что осталось от обысков, и ночью спешно покидать завод и усадьбу навсегда. Жену и троих детей он еще раньше отправил в Кострому. Говорят, что Геннадий Алексеевич все же через какое-то время приехал домой, но еще издали увидел, что двери дома распахнуты и местные жители выносят из него все, что можно вынести. Бурнаев-Курочкин, не выходя из машины, развернулся и уехал в Кострому. Больше он на заводе не появлялся. В Заволжском музее от того времени, когда Геннадий Алексеевич был хозяином и директором завода, осталось не так много – два стула и большой письменный стол, крытый зеленым сукном. Может, он и не сидел на этих стульях за этим столом, но... это все, что осталось¹¹.

Надо сказать, что при всех ужасах того времени завод продолжал работать. Конечно, события октября семнадцатого года даром для завода не прошли, и в восемнадцатом году завод произвел в три раза меньше серной кислоты, чем на год раньше, а сурика и мумии в четыре раза меньше. Зато стали делать удобрение суперфосфат, для которого даже построили новый цех. В том же восемнадцатом году стали призывать бывших кавалеристов, а потом и всех подряд в Красную Армию. Все это, конечно, отразилось на производстве. Заводоуправления и Волжского химического, и Бензоло-анилинового завода не стали сидеть сложа руки, а обратились в Кинешемский военный комиссариат с просьбой вернуть нужных специалистов на заводы. Удивительно не то, что обратились. Удивительно то, что их вернули. Правда, с противогазами вышла неувязка. Их и новая власть не выдала. Противогазы лежали на интендантских складах Красной Армии на случай химической атаки белых. Обещанную еще Бурнаевым-Курочкиным баню построили только в двадцать восьмом. Тогда же устроили больничный стационар и родильное отделение.

Тем временем, в двадцать пятом году, губернские власти постановили организовать Кинешемский бумажно-фибровый комбинат и с этой целью объединили две фабрики: картонную фабрику, расположенную в селе Александровское в двадцати с лишним

километрах от того места, где уже через девять лет по постановлению Президиума ВЦИК образуют рабочий поселок Заволжье, и бывшую тихомировскую фабрику. На Александровской фабрике еще с пятнадцатого года производили фибру. Ту самую фибру, из которой делали мечту каждого советского человека – фибровый чемодан с блестящими металлическими уголками и замками. О, эти маленькие, вечно гнущиеся и плохо открывающие замки ключики... Как здорово было ими играть в детстве, как умели они теряться... Впрочем, я отвлекся. Поначалу чемоданами на Александровской фабрике и не пахло. Из фибры делали козырьки для военных фуражек. Фибра – это всего лишь бумага, пропитанная раствором хлористого цинка. Бумагу брали промокательную, которую сами же и производили на фабрике. Хлористый цинк готовили из цинка и соляной кислоты, которые покупали на заводе Бурнаева-Курочкина. Конечно, как и во всяком деле, тут были свои технологические секреты. Владелец Александровской фабрики нашел в Москве сведущего в этих делах бельгийца и пригласил его в Кинешемский уезд. Производство козырьков оказалось невыгодным, с бельгийцем через год владелец фабрики расстался и стал делать фибровые тазы и ящики. Может, он на этих тазах с ящиками и разбогател бы, но... Короче говоря, в двадцать пятом году велено было производство фибры перенести на бывшую тихомировскую фабрику. Прислали специалиста из Москвы, но уже своего. Производство... сложно было назвать производством цех первичной обработки сырья. Сидят на низких скамеечках женщины и срезают со старого тряпья пуговицы, пряжки и крючки. Тепловой обработки тряпье не проходило, а потому болели эти несчастные работницы инфекционными болезнями постоянно. Тогда же, в двадцать пятом, стали делать фибровые чемоданы. Для осваивания чемоданных технологий прислали из Москвы еще одного специалиста. Все делалось вручную. Внутренняя поверхность чемодана выклеивалась сатином. Стальную ручку обшивали кожей, а вот уголки были не стальными, а фибровыми. И замки темными. Прочности эти чемоданы были удивительной, но вид имели, мягко говоря, скромный. Застенчивый даже. Выпускали их восемь лет и потом прекратили, поскольку, как это обычно и бывало при плановой экономике, вовремя не завозили ручки и замки.

В двадцать восьмом году поступил военный заказ... на козырьки к фуражкам. Тут уж решили специалистов из столицы не вызывать, а обойтись своими силами. Какой-никакой опыт по козырькам имелся. Не обошлось без технологических новшеств – лаковую, внешнюю сторону козырька зачищали не осколком оконного стекла, как при царском режиме, а куском пемзы. Правда, лаком козырек покрывали не кистью, а пальцами. Для этого кончики пальцев правой руки нужно было погрузить в теплый лак и быстро, пока он не застыл, покрыть козырек, да еще и внутреннюю сторону козырька не испачкать. Покрывали, а куда деваться. И лаком, и словами разными покрывали целых четыре года. Не пятнадцатый год был на дворе, чтобы говорить невыгодно и отказываться от заказа. В тридцать третьем фабрику помилovali, и козырьки перевели в подмосковное Одинцово, на тамошний химкомбинат, обязав только Кинешемскую фабрику поставлять для этих козырьков специальный сорт фибры.

В тридцать втором Кинешемский бумажно-фибровый комбинат снова разделили на две фабрики. Ту, что в Заволжье, стали называть фибровой. С тех самых пор и до сегодняшнего дня ее только «Фиброй» и называют. Уже и фабрика умерла, а тот район, где она была, все «Фибра». И та часть города, где до сих пор живут люди, на ней работавшие, тоже «Фибра». И люди... да, «фибра» и никак иначе¹².

В тридцать четвертом наконец образовался рабочий поселок Заволжский, а еще раньше, в тридцать первом, началось строительство первого каменного дома в три этажа. В конце концов, сколько можно было рабочим жить в казармах, построенных еще Бурнаевым-Курочкиным. К тому времени на Волжском химическом заводе работало полторы тысячи человек, а не триста с лишним, как это было в семнадцатом году. Новый дом оказался немногим лучше казарм. Водопровода и канализации в нем тоже не было. Электрическое освещение провели только в квартиры служащих. Для квартир рабочих не хватило

проводов. Да и сами квартиры были такими крошечными, что напоминали рабочим углы, которые те снимали в казармах. Впрочем, и этим крошечным каморкам завидовали. Из полутора тысяч рабочих химзавода жильем была обеспечена только пятая часть. Только в тридцать восьмом появился первый детский сад. Не хватало детской обуви, одежды, одеял. Снова одеял...

Жить, однако, стало легче, стало веселее. При клубе «Красный химик» организовали драматический кружок и духовой оркестр. Драмкружок ставил пьесу «Любовь Яровая». Открыли стадион. Прошел конкурс гармонистов. Не все, конечно, было гладко. У пионеров не хватало галстуков, барабанов и горнов. Пионервожатый Дунаев рассказывал пионерам недетские анекдоты, а в феврале тридцать четвертого была сорвана лекция «Куда ведут сектанты», потому что на нее не пришли рабочие. Три часа ждал рабочих лектор из самого Иванова. Зато местная футбольная команда общества «Монолит» одолела команду одного из кинешемских заводов. Газета «Приволжский химик» писала, что пионеры к десятому съезду ВЛКСМ вышили портрет Сталина и сделали макет дрессированного слона. Там же напечатали заметку под названием «Дайте революционно-социалистическую музыку», в которой писали о том, что вальс «устаревший танец, который разлагал рабочих». Клубный хор пел песни «О Сталине», «О Ворошилове», «Если завтра война» и «Сулико». Участник хора Василий Елкин за рассказанный в компании анекдот в тридцать восьмом году получил три года. Отсидел, вернулся в Заволжск в мае сорок первого. Через несколько дней после начала войны приехали за ним и увезли как неблагонадежного. Семь километров бежал его отец на переправу через Волгу, чтобы попрощаться с сыном. Добежать-то успел, а вот проститься не дали.

С началом войны почти вся продукция фибровой фабрики стала военной. Нет, это были не козырьки для фуражек. Еще в тридцать восьмом и тридцать девятом годах фабрика освоила выпуск так называемой авиационной многослойной фибры, из которой клеили бензобаки на штурмовиках ИЛ-2. Поначалу такие бензобаки делали из металла. Достаточно было одного попадания пули, чтобы бак начинал течь. Пулевое отверстие в металлической стенке было аккуратным и круглым. В фибре пуля делала лучистое, рваное отверстие. Через такое отверстие, лепестки которого стремились закрыться под давлением массы бензина в баке, бензин вытекал куда медленнее. Кроме того, вытекающий бензин растворял резиновый протектор, и отверстие затягивалось образовавшимся резиновым клеем. Такой фибровый бак выдерживал не одно, а несколько пулевых попаданий. И это не все. Он был легче и выдерживал куда большие вибрационные нагрузки, чем металлический. Испытывали фибру прямо на заводе. Стреляли в нее из трофейных немецких автоматов.

Зимой сорок первого готовились к эвакуации в Свердловскую область на тамошнюю бумажную фабрику. Уже и прорубили во льду проход, через который на парамах на другой берег вывезли все запасное и резервное оборудование. К счастью, обошлось. Немцев остановили под Москвой. В сорок втором из отходов фибры стали делать пуговицы для населения и делали их до пятидесят девятого года.

Химическому заводу, который с тридцатого года включал в себя и анилиновый, пришлось ничуть не легче, чем фибровой фабрике. На оккупированной территории остались почти восемьдесят процентов мощностей по производству серной кислоты и две трети всех мощностей анилиноокрасочной промышленности. Надо было отгрузить запасное оборудование на строительство новых химических заводов на Урале, замаскировать свой завод и нарубить дров, поскольку не хватало угля в котельной. Рабочие в свободное от смен время ходили на лесосеки пилить дрова. Перед войной освоили производство сахарина, который поставляли на Кинешемский завод фруктовых вод, потом прекратили его, а с началом войны возобновили. По заданию областного начальства делали бутылки с горючими смесями, тротил и шнейдерит¹³. Выпускали дезинфицирующие средства, dust, краситель цвета хаки и белый стрептоцид. В условиях почти полного отсутствия антибиотиков стрептоцид имел исключительное значение. Один из солдат пятьдесят шестой гвардейской дивизии писал на завод: «К нам прибыло пополнение из госпиталя.

Товарищи хвалили какой-то белый порошок, который госпиталь получает с Кинешемского химзавода. Раны, присыпанные вашим порошком, затягиваются вдвое, втрое быстрее... Выработывайте его больше. Вечная будет за него благодарность вашему коллективу от нашего брата-фронтовика»¹⁴.

В сорок седьмом на фибровой фабрике возобновили выпуск чемоданов. Потом, в пятидесятом, когда мы были с китайцами братья навек, стали поставлять фибру в Китай и Корею, потом, в шестидесятых, поставляли в Польшу, Болгарию, Румынию и даже на Кубу, потом, в семидесятых, Заволжская фабрика выпускала три четверти всей советской фибры, потом... фибра стала устаревать, ее стали теснить новые материалы, и даже чемоданы из фибры, которые раньше у фабрики отрывали вместе с ручками... потом, в восьмидесятых, организовали кооперативы, в девяностых – открытое акционерное общество, но фибра была уже мертвой и никому не нужной.

Как жаль, что в Заволжье нет памятника фибровому чемодану. Стоял бы он в маленьком скверике, посреди цветочной клумбы, на гранитном постаменте, окруженный скамеечками. Чемодан установили бы в раскрытом виде и внутреннюю сторону его крышки оклеили бы фотографиями советских артистов или переводными немецкими картинками кукольных девушек. По выходным и в теплую погоду к нему приходили бы пенсионеры, пенсионерки или просто пожилые люди, которых принимали бы у чемодана в пенсионеры. Конечно, никаких хороводов вокруг памятника не было бы, а просто расселись бы на скамейках и давай лузгать семечки, ругать молодежь, меняться просроченными таблетками, рассказывать друг другу о том, что раньше вода была мокрее, трава зеленее и чемоданы были... Нечего и говорить про чемоданы. Какие-то сердобольные старушки накрошили бы внутрь раскрытого памятника черствого хлеба, и голуби все...

После войны продолжили выпускать красители – розовый, меховой черный, желтый, красный, оранжевый, бирюзовый и другие. Кроме красителей, выпускали вещества с малопонятными и совершенно непонятными обычному человеку названиями и назначениями вроде альнафта, неозонов и даже паратолуолсульфохлорида. То есть, конечно, можно пояснить, что альнафт и неозоны – не что иное, как стабилизаторы, предохраняющие резину от старения, а паратолуолсульфохлорид... но это уж будут такие дебри, в которые лучше не залезать. Лучше я вам расскажу про порошок, который поначалу выпускали как инсектицид для борьбы с малярийным комаром. Спустя недолгое время выяснилось, что комаров он не берет, но зато очень хорош как противоглистное средство для овец, и тогда... продолжили его выпускать с удвоенной силой. И до сих пор выпускают. Делали различные нитробензолы, которые использовались для переработки в анилин и дальше в красители. Если нитробензол добавить в мыло, то у него будет горько-миндальный запах, если его добавить в парфюмерию, то она будет ярче и дольше пахнуть, а если его добавить в ракетное топливо... нет, оно не будет пахнуть горьким миндалем, но эффект, как говорят специалисты, превзойдет все ожидания. Впрочем, ракетное топливо от нас, к счастью, далеко, а вот паста красного цвета, которой наполняли стержни шариковых ручек, близко. Учителя этой красной пастой писали в дневниках «Разговаривал на уроке химии» или «В школу с родителями!». На всю страну делали морозоустойчивую синьку. Кажется, она единственная, кроме березового сока и огромных соленых огурцов в трехлитровых банках, не была дефицитом во времена Советского Союза. Синька, как и железный сурик, впитывалась во все, во что можно было впитаться. Конечно, голыми ногами по ней никто не ходил, но обувь от нее отмыть было практически невозможно. Зимой по синим следам можно было узнать тех, кто был занят на ее производстве. Это касалось и собак с кошками, которые на производстве заняты не были, но жили на территории завода.

В пятьдесят четвертом году рабочий поселок Заволжье стал городом Заволжском. В пятьдесят девятом прекратили выпуск серной кислоты, а в семидесятом соляной. В семьдесят первом году Заволжскому химическому заводу исполнилось сто лет. Почти половину из этих ста лет, с двадцать пятого года, он прожил под именем Фрунзе. Почему

Фрунзе... Дело в том, что в восемнадцатом году Фрунзе целых полгода был председателем Иваново-Вознесенского губкома РКП(б), губисполкома, губсовнархоза и военным комиссаром Иваново-Вознесенской губернии. Ну не присваивать же, в самом деле, заводу имя отставного поручика Философова или Бурнаевых-Курочкиных. Могли бы и вовсе присвоить заводу имя Ленина.

Надо бы, конечно, рассказать о том, как после войны хорошел и строился Заволжск, но пусть эти подробности о том, как осветили улицу Фрунзе, как открыли комбинат бытового обслуживания, баню, магазин, как пустили в эксплуатацию полтора километра водопровода, как построили спортзал, новое здание райисполкома, библиотеку, хлебозавод, как хлебозавод, кроме выпечки хлеба, делал такой фруктовый и такой сливочный ирис, лучше которого... читатель вообразит себе сам. В семьдесят девятом году население Заволжска достигло своего максимума – семнадцать с небольшим тысяч человек. На Заволжском химическом заводе тогда работало четыре тысячи человек¹⁵.

В семьдесят пятом году началось строительство моста через Волгу, связывающего Кинешму с Заволжском. Вернее, в этом году Постановлением Совета Министров СССР было разрешено проведение работ по технико-экономическому обоснованию строительства моста через Волгу в районе Кинешмы. Мост был нужен как воздух. Тут тебе и продолжение Кинешемской железнодорожной ветки, и связь с Заволжском, и превращение последнего в крупный транспортный узел, и уменьшение стоимости перевозок, и увеличение скорости, и транзитные грузовые и пассажирские поезда, и даже увеличение благосостояния заволжских старушек, которые будут выносить к этим транзитным поездам вареную картошку с укропом и копченых лещей к пиву.

Через шесть лет после выхода Постановления, когда некоторые старушки уже начали догадываться, что им увеличения своего благосостояния не дожидаться, начались работы по технико-экономическому обоснованию. Через два года они закончились, и был готов проект первой очереди моста. Думали сдать мост через девять лет – к девяносто второму году. Не прошло и трех лет, как приступили к строительству. По двенадцать часов в сутки, вахтовым методом, без выходных и праздников начальник стройки, главный инженер, начальники участков, прорабы, монтажники-высотники, сварщики, бетономешалки, бульдозеры, экскаваторы, самосвалы... В восемьдесят девятом году стало плохо с деньгами и материалами. В правительстве хотели даже все законсервировать на неопределенное время, но передумали. Решили, пусть стройка продолжается, но денег станем давать меньше. Авось как-нибудь... В девяносто шестом году, когда было выполнено уже больше половины работы, Министерство путей сообщения отказалось финансировать строительство моста. Надо было консервировать. В девяносто шестом в Москве думали о разном – например, о войне в Чечне, а о консервировании думали мало. То есть не думали совсем. Просто все бросили. Что могло заржаветь – заржавело, что могло осыпаться – осыпалось. Все остальное, исключая опоры, растащили. Тут уже не только старушки, но и все остальные потеряли надежду увидеть светлое железнодорожное будущее Заволжска. И все же. Прошло еще два года... а потом еще два... и еще четыре, и мост, наконец, достроили. Правда, не железнодорожный вместе с автомобильным, а только автомобильный, но к тому времени тех заволжских старушек, которые когда-то надеялись...

Пока строили мост через Волгу, в Заволжске построили комплекс по захоронению промышленных стоков Заволжского химического завода. В девяносто третьем он начал работать. Комплекс – слово непонятное. На понятном языке – это семь шахт, глубиной около километра, а к шахтам насосы, которые закачивают промышленные отходы в шахты, а к насосам хранилища этих самых отходов. Оно и хорошо. На километр вглубь лучше, чем каждый день, десятки тысяч тонн такого... в Волгу. Полигонов вроде Заволжского в европейской части России по пальцам одной руки перечесать, а вот заводов, которым некуда девать ядовитые промышленные отходы, никаких рук посчитать не хватит. И потянулись к полигону, который в народе называли «закачкой», машины, танкеры и железнодорожные цистерны с отходами из разных городов и областей. На дворе были уже вполне

капиталистические времена. Между прочим, надежно захоронить какой-нибудь ядовитый отход химического завода стоит дороже, чем похоронить маршала с артиллерийским салютом, почетным караулом и поминками в Кремле. Короче говоря, все закончилось захоронением без лицензии, еще одним захоронением без лицензии, получением незаконных доходов, районным судом, штрафами юридических лиц, получением незаконных доходов в особо крупных размерах, посадками стрелочников, областным судом, новыми штрафами, митингами местных жителей и, наконец, постановлением суда о прекращении работы полигона. Вот уже два года местные власти и фактические хозяева полигона бесконечно выясняют, чьи в лесу шишки. Вот уже два года полигон не работает, а завод, который теперь разделился на несколько открытых и закрытых акционерных обществ, которые принадлежат... сам черт не разберет, кому они принадлежат, все же продолжает. Старые цеха заброшены – наши красители, конечно, красили навсегда, но китайские оказались дешевле. Теперь весь список того, что производится в трех небольших корпусах завода, можно уместить на одной страничке. Немного красителей, немного реагентов, с помощью которых очищают воду, немного компонентов... Местные жители говорят, что ракетного топлива. Придумывают, поди. Да и откуда им знать – большинство их работает теперь не в Заволжске, в котором работу днем с огнем не найти, а в других местах. Тем, кому повезло, устроились на трикотажную фабрику в поселке Заречное, что в семи километрах от Заволжска. Там шьют майки и трикотаж для армии. Безработным химикам майки шить обидно, и потому они едут в Москву, Подмосковье, Петербург работать на химических предприятиях вахтовым методом. В Подмосковье делают красители по тем же технологиям, что делали в Заволжске, и практически на том же оборудовании. Говорят, что на том самом оборудовании, которое кто-то шустрый успел вывезти из Заволжска, когда в девяностых все трещало по швам и разваливалось. Ездят работать даже в нищую Южу – охранять местную тюрьму сутки через сутки. В Кинешму, которая рукой подать через мост, не ездят, потому как в Кинешме работы немногим больше, чем в Заволжске, а безработных куда больше. Областные власти велют развивать туризм. Хорошо его развивать, если ты в Плесе. Известно, кто отдыхает в Плесе. В Заволжске или в Кинешме такие люди не отдыхают. Вот и идут все деньги из областного департамента культуры в Плес. Их и так-то немного, а при таком распределении...¹⁶ Начальству нужен простой, незатейливый туризм – хороводы, кокошники, домашние настойки, пироги, музей... Можно, конечно, и музей, но так, чтобы между хороводом и пирогами. Зачем туриста, жену туриста и детей туриста отпугивать всеми этими ненужными подробностями про историю сернокислотного завода, про анилиновые красители, про астрофизику, которой занимался астроном Бредихин...

Кстати, о Бредихине. В восемьдесят третьем году в Заволжске были проведены первые Бредихинские чтения. Их провели в усадьбе «Погост». Вторые, через три года, провели на родине Федора Александровича – в Николаеве, третьи в Пулково, где он заведовал обсерваторией, а четвертые и пятые снова в Заволжске. Еще за двадцать лет до первых Бредихинских чтений усадьбе «Погост» и склепу, в котором похоронена семья астронома, был присвоен статус федеральных памятников. Теперь усадьба находится почти в черте города – в поселке Бредихино. В девяносто четвертом в усадьбе, в которой тогда помещался и бредихинский мемориальный музей, и подсобные службы химического завода, случился пожар. К счастью, почти все ценные экспонаты из музея удалось спасти. Их выкидывали из окна второго этажа, и пострадала только мебель. Обгоревшее здание стояло какое-то время без ремонта. Потом еще стояло, потом в нем начали рушиться перекрытия, а потом и стены. В развалинах играли дети и доигрались – задавило упавшей стеной девочку. Вернее, доигрались взрослые, которые не озаботились оградой вокруг развалин. Давно бы пора все эти развалины разобрать совсем, но... нельзя, поскольку памятник федерального значения. С другой стороны, ни на консервацию, ни, тем более, на реставрацию, денег нет. Хотя памятник и федерального значения, а расходы по его содержанию должны нести местные власти, которые... у них своих дел по горло. Их и

меняют часто, и сажают, и не успевают они... Не до усадьбы Бредихина. Так и подпирают небо три с половиной стены, да три кирпичных колонны, с которых давно облупилась штукатурка. Где тут, спрашивается, ставить гранитный обелиск, куда вносить знамя российской астрофизики, какие хороводы...

Памятника Бредихину так и не поставили, но центральную площадь Заволжска и одну из улиц назвали в его честь. Еще и на гербе Заволжского района «в скошенном зеленом и лазурью (синим, голубым) поле с выходящим снизу слева вписанным пурпурным клином, нижний край которого совпадает с линией деления поля – золотая, косвенно летящая, комета о пяти лучах, голова которой накрывает, а возникающий хвост обременяет клин».

¹ Цит. по: Заволжский химический 1871–1971. Сб. статей. Ярославль, 1973. С.9.

² Там же. С.10.

³ Чинить ивовые корзины, у которых отвалилось дно или оторвалась ручка, нанимали детей. За каждую починенную корзину платили по полторы копейки. За день можно было заработать от двадцати до тридцати копеек. Взрослые рабочие за плетение корзин получали до семидесяти пяти копеек в день. Такой заработок считался хорошим. Рабочий день длился одиннадцать часов. Лошади, подвозившие прутья и другие материалы для плетения корзин, тоже должны были работать по одиннадцать часов в день. Так рассчитал хозяин, но с ним были не согласны лошади. Они медленно жевали овес в перерыве на обед и не успевали поест за час. Полуголодные, они работали плохо, а жевать быстрее отказывались. Тогда Философов приказал плющить овес специальной толкушкой, чтобы лошадь пережевывала его быстрее. Тем, кто плющил овес по одиннадцать часов в день, хозяин платил по полтиннику. Делали это две женщины. Философов высчитал, что рубль, затраченный на подготовку овса лошадям, окупается более чем в десять раз. Как этот человек потом все прогулял, промотал, заложил завод банку и в конце концов лишился его – ума не приложу.

⁴ Цит. по: Заволжский химический 1871–1971. С.13.

⁵ Потом, правда, выяснилось, что к Кутузову с донесением послали однофамильца Бологовского, но... это выяснилось потом и к нашей истории уже не имеет отношения.

⁶ Теперь это Заволжск.

⁷ Цит. по: Заволжский химический 1871–1971. С.55.

⁸ Настоящее промышленное производство бензола в России начнется только через десять лет, когда военные поймут, что без него у них не будет тротила. Станут бензол получать в Донбассе, из газа, который выделяется при нагревании коксующихся углей. Потом наладят производство бензола из нефти в Баку, на заводах «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель», и к семнадцатому году взрывчатки и снарядов у России будет столько, что хватит еще на четыре года Гражданской войны.

Теперь работы Никифорова имеют лишь историческое значение, теперь и места того не найти, где стоял сгоревший дотла заводской корпус, в котором пытались получать бензол, теперь... хорошо бы доску мемориальную. Пусть и не мраморную, а чугунную, с обычными чугунными буквами. Ведь это был, строго говоря, первый в России завод, специально построенный для получения бензола из российской нефти. Пусть у них не получилось, пусть получилось не у них и лишь через десять лет, но если бы не они... Если бы у них получилось? Тогда было бы у России бензола хоть залейся и тротила тоже. Тогда в начале второго года Первой мировой мы бы не отступали из-за нехватки боеприпасов, а могли бы наступать и войти в Берлин в пятнадцатом году. На тридцать лет раньше. Тогда... даже страшно подумать, как все могло бы быть, кабы у инженера-технолога Никифорова и его команды все получилось в девятьсот пятом году. Благодарные потомки воздвигли бы в Заволжске, который назывался, конечно же, Никифоров, а вовсе не Заволжск, даже не обелиск, а целый пантеон, в котором принимали бы в ~~инженеры~~ инженеры-нефтехимики студентов со всей России. Почетный караул вносил бы черное, цвета нефти, орденов Менделеева и Зелинского бархатное знамя нашей нефтехимии с вышитым на нем золотом

бензольным кольцом. Студенты становились бы на одно колено, целовали знамя и торжественно клялись топить печки ассигнациями, а не нефтью, маленькие дети из детских садов и школ Заволжска, наряженные в костюмы атомов углерода, водорода и простейших углеводородов вроде пропана, бутана и бензола, водили бы хороводы в форме бензольного кольца и других циклических соединений, а взрослые пели бы хором под гитару песни о каталитическом крекинге и ректификации...

– Эк, ты размечтался, – скажет читатель и будет, наверное, прав. Денег на пантеон вряд ли дадут. Скорее всего, на деньги, собранные по подписке, поставят жители Заволжска маленький железный обелиск с маленькими железными буквами в маленьком и чахлам городскому саду. Насчет водящих хороводы детей в костюмах я не уверен, а вот собаки...

⁹ Работало еще на территории будущего Заволжска при деревне Алекино два небольших крахмальных заводика. Один принадлежал Александру Федоровичу Кляузову, а другой – Федору Никаноровичу Челнокову. Вот про них уж точно ничего интересного и занимательного рассказать нельзя, кроме, пожалуй, того факта, что Александр Федорович Кляузов был однофамильцем отставного гвардии корнета Марка Ивановича Кляузова из чеховского рассказа «Шведская спичка». В детстве я думал, что Чехов из головы выдумал эту смешную фамилию, а оно вон как оказалось... На месте заволжских краеведов я бы рассказывал туристам о том, что Марк Иванович и Александр Федорович были двоюродными братьями. Не рассказывают... Ну и зря.

¹⁰ Читал я список рабочих нужд и думал: что если бы все Бурнаевы-Курочкины, которые тогда владели заводами, фабриками, шахтами, железными дорогами и пароходами, выдали рабочим мыло, полотенца, галоши, одеяла, накиннули бы по тридцать или хотя бы по двадцать копеек к дневному заработку до известных событий в октябре семнадцатого? Может, оно бы и обошлось? Ведь они же требовали не национализации, не «расстрелять как бешеных собак», а мыла. Мыло же дешевое. Да и полотенца с одеялами тоже можно было купить оптом. Буквально за копейки. Вот и сейчас. Если бы мыло постоянно не дорожало, если бы накиннуть к дневному заработку хотя бы по... если бы врачи... если бы лекарства.... Мы бы даже галоши купили за свой счет. Глупые это, конечно, мысли, но ведь не все же думать умные.

¹¹ Геннадий Алексеевич, к счастью, не пропал, не был репрессирован, а стал одним из ведущих специалистов по строительству химических предприятий. Принимал участие в строительстве заводов в Новомосковске и под Нижним Новгородом. И все бы ничего, но был Бурнаев-Курочкин из тех, кого в те времена называли «лишенцами», и очень боялся, что во время выдачи новых паспортов в тридцать третьем году ему будет отказано со всеми вытекающими из этого последствиями. Наверное, так оно и было бы, если бы Геннадий Алексеевич не умер раньше от остановки сердца. Похоронили его на Дорогомилевском кладбище в Москве. Там самом кладбище, которое снесли в сорок восьмом. Сын Бурнаева-Курочкина стал крупным специалистом по строительству промышленных предприятий и в девяносто первом году приезжал на празднование ста двадцатилетия завода.

¹² Не знаю почему, но химики, как мне рассказали аборигены, недолюбливают «фибру». Считают ее... недалекой и скуповатой. Аборигены мне не смогли объяснить почему. Само собой, что и дети «фибры» – тоже «фибра». Само собой, что и в драках с одной стороны химики, а с другой стороны «фибра». То, что фибровой фабрики уже нет, совершенно не меняет дела и, наверное, еще долго не будет менять.

¹³ Смесь тротила с аммиачной селитрой.

¹⁴ Цит. по: Заволжский химический 1871–1971. С.114.

¹⁵ С тех самых пор население мало-помалу убывало, и теперь в Заволжске живет чуть больше десяти тысяч человек, на заводе и вовсе осталось три с половиной сотни. Почти столько же, сколько было сто лет назад – в семнадцатом году.

¹⁶ Вы просто читаете текст, написанный обычными буквами, а мне об этом рассказывала директор Заволжского краеведческого музея Светлана Вадимовна Касаткина. Если ее страстную речь передавать письменно близко к тексту, то она состояла бы из одних

заглавных букв преогромного размера.